

Illusion and Reality in L. Andreyev's and M. Haretsky's short stories

Keywords: illusion, reality, world view, mysterious, national and cultural specificity.

The article deals with the problem of coexistence in the human mind of illusory and rational constituents. It was represented by L. Andreyev and M. Haretsky in the context of the philosophical problems in the first decades of the 20th century in the coexistence of realistic and modernistic cultural and literary trends. The article focuses the dominating ideas in writers' oeuvre

А.Г.Желамский

Музей пейзажного наследия «Окоём»
(д. Чернецово Невельского района Псковской области)
e-mail: praga550@mail.ru

УДК 821. 161

О ПОЭТИЧЕСКОМ (НЕНАУЧНОМ?) ОТКРЫТИИ МИРА

Ключевые слова: научное знание, прогресс, мировосприятие, русская поэзия, пейзажные образы, «поэтическое слушание» природы.

Научно-технический прогресс, нацеленный на преобразование и покорение природы, высветил необходимость выстраивания новой – не природно-ресурсной, а духовной концепции «известных» географических пространств и земных пейзажей. На этом пути нам предстоит заново освоить «опыт» русской и всей славянской поэзии, наиболее полно выразившей отношение к миру, в котором живём.

Возникновение и развитие науки диктовалось вечным и загадочным стремлением человека к познанию окружающего мира. Многие века, а скорее – тысячелетия существования человеческого рода прошли под знаком созерцательных наблюдений над стихиями природы. Этот период длительного «простодушного» восприятия мира в новое время (в 15–16 веках) неожиданным образом сменился идеологией покорения природы. Произошло, выражаясь словами П.Т.де Шардена, какое-то «невероятное потрясение сфер жизни» [1]. Местом рождения такой идеологии стала западная, европейская цивилизация, охватившая всё человечество.

В эпоху Возрождения (14–16 века) Европа преодолела средневековую идею божественного предопределения и объявила человека «венцом творения», у которого есть и права, и способности устроить этот мир по своему разумному плану. К тому времени завершилась эпоха великих географических открытий и Европа решила управлять этим миром и его природой – через развитие науки и техники. Ф.Бэкон провозгласил формулу – «Знание – сила». Эпоха стремительного развития науки и техники в 18-м – 20-м веках названа временем научно-технической революции.

Однако, к концу двадцатого века намечилось проявление каких-то новых «потрясений сфер жизни». На фоне победоносного шествия прогресса появились кризисные явления в мировом развитии – угроза истощения природных ресурсов и экологические проблемы. В сфере мировоззрения на смену модерну с его опорой на рациональное знание и законы логики пришёл постмодерн, который отказывается от традиций, диктата разума и поиска смыслов. При этом в постмодерне есть одно положительное качество: он высветил, что в отношении к миру важно не только рациональное знание, но и переживание (восприятие) этого мира. Стало очевидным, что есть смыслы, неподвластные логике. Они зависят от нашего восприятия этого мира. Тенцинг Норгей – первый (вместе с Э.Хиллари) покоритель Эвереста – на вопрос об этой вершине мира ответил «...что такое Эверест без глаза, который его видит? Велик ли он или мал – это зависит от души человека.» [2, с.271].

В основе научного познания всегда была и есть логика, но В.И.Вернадский заметил, что истина открывается не через логику, а через жизнь: «Познать научную истину нельзя логикой – можно лишь жизнью. Действие – характерная черта научной мысли» [3, с.39].

Новое отношение к миру пробивается к нам не только из искусства, поэзии, но и из самой науки. И. Пригожин (известный европейский учёный русского происхождения, Лауреат Нобелевской премии) вместе со своей коллегой И.Стенгерс признают, что в нынешнее время проходит гипноз сугубо научных представлений, что теперь мы более чем прежде «должны уважать и любой другой интеллектуальный образ мира... Наш мир – это не молчаливый и однообразный мир часового механизма... Научное знание, возникшее как бы во вдохновенном сне, ...может нынче оказаться в то же время «поэтическим слушанием» природы...» [4, с.86 – 95].

Сегодня, когда мир как цивилизация понижает природные смыслы до уровня потребительских ценностей, повышается значение нашего отношения к этому миру, тех чувств, какие испытывает человек к миру, в котором живёт. При этом выясняется, что некоторые ненаучные понятия более интересны, чем сугубо научные.

Пейзажем мы называем зрительный, воспринимаемый вид местности. В географии пейзаж называют «перцепцией ландшафта». Но все эти определения ничего не говорят о нашем отношении к пейзажу. И вот «приходит» поэт Максимилиан Волошин и говорит : «В пейзаже отражено всё, что пережито землёй... . Пейзаж – это лик родной земли, лицо матери. От созерцания этого лица в душе поднимается тоска, жалость, нежность, та надрывающаяся и безысходная любовь, с которой связано чувство Родины».

Географы признали, что художественные формы культуры – литература, живопись, музыка являются хранилищем образов географической реальности, появились идеи о «гении» и «чувстве места», о стиле местности, национальных образах ландшафтов [5]. Стало очевидно, что искусство, литература, поэзия стоят ныне рядом с наукой и религией и играют самостоятельную, созидательную роль в формировании представлений человека об этом мире.

О значении восприятия природы напоминает слово «урочище». Сегодня мы называем этим термином «любую часть местности, отличную от окружающих», или «группу ландшафтных фаций». При том в словаре древнерусского языка Н.Н.Срезневского слово «урочище» прочитывается как «указание судьбы», в польско-русских словарях оно переводится как «очаровательный, прелестный, чарующий, обаятельный, пленительный», глаголу «урочить» придаются значения : сгладить, околдовать, очаровать. В белорусском языке есть слово «урачыстасць» (торжество, празднество). Очевидно, что слово урочище обозначало у наших далёких пращуров нечто большее, чем просто чем-то отличающийся участок местности (постигая смысл слова «урочище», начинаешь сомневаться в том, что человек начинал с дикости и варварства).

Сегодня, когда природа земли «разобрана» на тысячи наук, не хватает целостностного восприятия разобщённых явлений. И здесь на помощь нам приходит ритмизованная стихотворная речь, которая ближе к глубинной сущности мироздания – к «языку природы» (Тютчев), к «музыке мира» (Блок), подчинённая всеобщему закону ритма – она соприродна [6].

Необычность русского пространства продиктовала и необычность его восприятия русскими поэтами. М.В.Ломоносов (1711–1765) с мыслями о «возлюбленном Отечестве» писал о грандиозных замыслах русского географического пространства, говорил о могуществе России, которое «будет прирастать Сибирью и Северным океаном». Первые наши поэты – классики вдохновлялись картинами южной природы, её чувственной роскошью. «Я знаю край, где негой дышит лес ... Там счастье, друг !» (В.А.Жуковский, 1817). «Отчизной красоты» назвал Д.Веневитинов Италию. А.Х.Востоков (1808) возражал: «Не итальянцы мы, не греки, Которым наших зим не снести, ... Они пусть хвалят злак лугов, Журчащих ручейков прохладу... Не чужды нам забавы их, Но знают ли они отраду Трескучих зимушек лихих».

Знакомство с сочинениями Оссиана подвинуло наших поэтов к открытию «мятежного духа северной природы» : «Природы ужасы, стихий враждебный бой, Ревущие со скал угрюмых водопады, Пустыни снежные, льдов вечные громады...» (К.Батюшков, 1814 – 15). П.А.Вяземский воспел русские дороги с тройками, верстовыми столбами и колокольчиками и зимние пейзажи России, противопоставляя их роскоши юга.

Развил тему А.С.Пушкин. Он первым заговорил о самобытности русского национального пейзажа с его печалью и просветлённостью, осенним увяданием и буйством метелей. «Отсюда вижу двух озёр лазурные равнины... За ними ряд холмов и нивы полосаты...» Но это была ещё лишь «инвентаризация» русского пейзажа. За ней последовала «Зимняя дорога» : «Ни огня, ни чёрной хаты, Глушь и снег навстречу мне, Только вёрсты полосаты Попадают одне». И это стало началом духовного освоения родной природы [7].

Ф.Тютчев любил Швейцарские края, где «радужные горы в лазурные глядятся озера», но сказал пророческие слова о границах Русского мира и роли России в истории. У Н.А.Некрасова, создателя национального русского пейзажа, случались выпады против русского окоёма: «Бесконечно унылы и жалки Эти пастбища, нивы, луга, Эти мокрые, сонные галки, Что сидят на вершине стога», но в стихотворении «Железная дорога» всё стало на свои места : «Славная осень ! Морозные ночи, Ясные, тихие дни... Нет безобразья в природе... Всё хорошо под сиянием лунным, Всюду родимую Русь узнаю...».

Наши дворянские поэты – классики увлекались созданием образов, наполненных ощущениями утрат, чувствами наслаждения красотой: «Таинственная прелесть», «Пышное увядание», «Усталая нежность», «Безглагольность покоя»...

Другое мироощущение находим у крестьянских поэтов – «Ну, тащися, сивка ! Выйдет в поле травка, Вырастет и колос – Станет спеть, рядиться В золотые ткани» (И.Никитин).

Вот и Максим Танк в отличие от Пушкина, любившего «пышное природы увяданье», написал об осени очень просто и пронзительно: «Начинается осень не тогда, когда синий Север лезет за пазуху, заставляя поёжиться, Не тогда, когда ветви в сквозной паутине И жнивье на пригорке щетинится ёжиком, А тогда, когда птиц торопливая стая Жар последних лучей унесёт, улетаая» [8, с.37].

Наконец, Лермонтовские слова о «желтеющей ниве», о «внемлющей богу пустыне» оставляют на обочине всю физику с метафизикой и диалектикой. У Лермонтова о земном и небесном сказано – космонавты подтверждают, что они видят Землю «по – лермонтовски» - «в сиянии голубом».

Тему Лермонтова продолжил Н.Рубцов: «И всё ж прекрасен образ мира, Когда в ночи равнинных мест Вдруг вспыхнут все огни эфира, И льётся в душу свет с небес...». Наконец, и это самое главное, с М.Ю.Лермонтова утверждается у нас представление о России, как о Родине.

Образами России–Родины стали в русской поэзии зимние дороги с тройками, колокольчиками и бубенцами, желтеющие нивы, разливы рек, дали и просторы. «Безбрежность дали, русской дали, О, как ты странно хороша. Тебя светлее светлой стали Как любит русская душа. О, даль родимых кругозоров, Где нет преград для жадных взоров, Где ширь небес и ширь полей В одной сливаются лазури. Где место есть для всех лучей И есть раздолье всякой буре!» (П.Д.Бутурлин, 1890). Словом, ничто так не воспитывает чувство русского пейзажа, как русская поэзия (только «Зимние грёзы» Чайковского можно поставить рядом).

Среди русских поэтов никто так, как М.Волошин, не был увлечён идеями европейской цивилизации. Об этом говорят ключевые слова из его наследия – «Когда же ты поймёшь, Что ты не сын земли, Но путник по вселенным..», «Что человек рождён, Чтоб выплавить из мира Необходимости и Разума Вселенную Свободы и Любви», «В скитаньях без возврата Иду из края в край...». Ради всего этого он уходил в свои мысли–странствия – «к нагорьям», «к невидимому граду», «на Северо-Восток», «к престолам Азиатских гор»... Волошинский образ «скитаний без возврата» по-существу является манифестом европейской идеи прогресса (с её представлениями о вечно новом). Между тем такой односторонний образ М.Волошина как выразителя идеалов европейской цивилизации, не столь очевиден в общем контексте его творческого наследия. Кажется, что М.Волошин не только уходил в странствия, («из края в край» и «от костра к костру»), но и возвращался из них, а это уже нечто другое, не вписывающееся в контекст европейского мировоззрения.

Прозорливый поэт почувствовал ограниченность «безграничного» познания. Когда-то он мечтал «выплавить из мира Необходимости и Разума Вселенную Свободы и Любви». Не иначе, чем сомнением в этих целях, звучат его же слова: «Я признак истин сплавил в стройный бред», «Но ужас звёзд от знанья не потух». Истина, очевидно, не в том, что мы ещё что-то не выплавили из мира разума. Более истинно то, к чему приходит Волошин: «В себе несём своё изгнание мы». После таких слов возвращение – из пространств, из истории, из бесконечного познания – неизбежно. «После долгих лет скитанья Нити тёмного познания Привели меня назад». При возвращении он заново открывает знакомый ему мир Киммерии и находит в нём доселе скрытые черты. Это – не Есенинская «волнистая рожь при луне», и не «яркая и гордая краса» моря, как у Пушкина, а какой-то скрытый от непосредственного восприятия, но не менее реальный эмоциональный ряд.

У М.Волошина волны – «гудящие», пространства – «безвозвратные», печаль – «радость» пыль – «нежная», путеводительная идея – «боль» и даже Коктебель – «безрадостный и распятый»...». Наверно, придти к открытию таких сторон бытия можно только в сравнении с чем-то увиденным и пережитым. Может быть, ради таких открытий и нужно уходить в странствия.

Тонкий исследователь и поклонник творчества М.Волошина Э.Менделевич в одном лишь вынужден его упрекнуть – в том, что он «берёт культуру в общечеловеческом объёме, но общемировые законы никогда не применяет к России. Говоря о России, он заменяет дух истории ... непреодолимым давлением некоей метафизической сущности, которая пребывает неизменной ... и составляет суть национального характера и национальной культуры» [9]. Эта «метафизическая сущность» России фактически выражена М.Волошиным в словах: «Эх, не выпить до дна нашей воли, Не связать нас в единую цепь!» (поэма «Россия»).

Глубокий географический и даже геополитический смысл имеют слова М.Волошина, которыми он обозначил приметы пространственных стихий России, своеобразие её положения на земной поверхности: «Леса, увалы, степи и в дали Пустыни тундр – шестую часть земли От Индии до Ледовитых вод Я дал тебе и твой умножил род, Чтоб на распустьях сказочных дорог Ты сторожила Запад и Восток» («Благославление», 1923).

Обращение к темам, которые занимали русских поэтов, подвигает к ответу на главный мировоззренческий вопрос: является ли преодоление природы единственным вектором развития цивилизации? И заставляет задуматься о своеобразии русского пути развития вместе с природой,

суть которого не в том, чтобы двигать мир по пути прогресса, а в том, чтобы сохранить полученный в дар – от бога, или от природы – миропорядок. Сегодня, когда очевиден кризис той цивилизации, которая построена на покорении природы и техническом прогрессе, самое время сказать о необходимости становления в природе.

С «невообразимым пространством родины связано континентальное бытие народа, оно становится духовным полем, живой сутью поэзии» [10]. Конечно, мы не можем остановиться только на эмоциональных, созерцательных впечатлениях. Сегодня мы видим и другие лики красоты в русском пейзаже, которые открываются нам через топообразы («архитектуру») земной поверхности. Прозрения наших поэтов о гармонии русской природы и русского топоса подтверждаются и рациональным опытом, но только поэтический Контекст вселяет надежды на продолжение истории.

Литература

1. Тейяр де Шарден. Феномен человека / Т. де Шарден. М.: Наука, 1987.
2. Тигр снегов. – М.: Молодая гвардия, 1957.
3. Вернадский, В.И. Размышления натуралиста. Книга вторая / В.И. Вернадский. – М., 1977.
4. Пригожин, И., Стенгерс, И. Возвращённое очарование мира / И. Пригожин, И. Стендерс // Природа. – 1986. – №2.
5. Исаченко, Г.А. Образное восприятие в географическом познании мира / Г.А. Исаченко // Изв.РГО / - 2001 / - т.133.
6. Благой, Д. Мир как красота / Д. Благой. – М., 1975.
7. Эпштейн, М.Н. Природа, мир, тайник Вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии / М.Н. Эпштейн. – М.: Высш.шк., 1990.
8. Максим Танк. Нарочанские сосны / Максим Танк. – Минск, 1977.
9. Менделевич, Э.С. «Пойми простой урок моей земли» / Э.С. Менделевич. – Орёл, 2001.
10. Берязев, В. Ибо наше небо не могила: о поэзии Кублановского / В. Берязев // Сибирские огни. – 2010. – № 8.

A.G. Zhelamskiy

Museum of Landscape Heritage "Okоem" (Chernetsovo village, Nevelskiy district, Pskov region)
e-mail: praga550@mail.ru

Poetical (non-scientific) exploration of the world.

Key words: scientific knowledge, progress, perception of the world, russian poetry, landscape images, "poetical listening" to the nature.

Scientific technical progress which is mostly focused on nature modification and its conquering has outlined the necessity of creating a new spiritual concept of well-known geographical areas and earth landscapes, which is not based on nature resources. Following such a direction, we will have to explore the experience of Russian and Slavic poetry anew; as such poetry has managed to express the attitude to the world we live in at its best.

И.М. Куликова

Сургутский государственный университет
e-mail: kim0153@mail.ru

УДК 130.2:82.081

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИХ УСТАНОВОК ХРИСТИАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЗАУРАЛЬЯ

Ключевые слова: христианская философия, христианская этика, мифологизация, символика, метафоризация.

В статье анализируются особенности восприятия, осмысления и отражения философских и этических установок христианства в современной региональной прозе Зауралья, отмечены способы их репрезентации. Современные писатели делают акцент на необходимости возвращения в современную жизнь основ христианства, придавая зачастую ему новую степень мифологизации. Тема решается на примере произведений Е.Айпина, С.Козлова, А.Неркаги, Ю.Шесталова, А.Иванова.

В последние десятилетия в современном литературном процессе наблюдается пристальный интерес к мировоззренческим основам и аксиологическим установкам христианства. Не является исключением в этом плане и региональная проза, которая решает вопрос репрезентации этих основ разными способами и методами и на тематически разном материале. Исходная точка в реализации таких установок – философские воззрения христианства и вытекающие из них этические нормы.

Этико-философская система христианства строится на общечеловеческой ценности, возведенной в абсолют, – на идее любви, власти любви, на убеждении, что она есть величайшая сила в мире, главный закон человеческих отношений и жизни. Любовь в христианстве – прежде всего, конечно, любовь к Богу: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» [Первое послание Иоанна, 4: 16]. Следующим нравственным предписанием христианства, вытекающим из этого основного постулата, является любовь к людям: к отцу и матери, родственникам,